
ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

ВЫПУСК 9(73), 2021

Научный журнал

Журнал «Вопросы политологии» включен
в Перечень рецензируемых научных изданий
ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ
по политическим наукам, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты на соискание ученой степени кандидата
наук, на соискание ученой степени доктора наук

Журнал включен в Перечень научных изданий
рекомендованных ВАК Республики Узбекистан
для публикации основных научных результатов диссертаций
по политическим и философским наукам

МОСКВА, 2021

ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

ISSN 2225–8922

**ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН
В ПЕРЕЧЕНЬ ВАК РФ**

УЧРЕЖДЕН

ООО «Издательство
«Наука сегодня»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны
культурного наследия

Per. № ПИ № ФС77–46176
от 12 августа 2011 г.

Журнал издается ежемесячно

Журнал включен в базу РИНЦ
(Российский индекс
научного цитирования)

Включен в каталог
Ulrich's Periodicals Directory

Пятилетний импакт-фактор: 1,489.

Адрес редакции:

115598, г. Москва, ул. Загорьевская,
д. 10, корп. 4, поцошный этаж,
помещение I, комната 7-1, офис 4
Тел.: (910) 463-53-42

Интернет-ресурс:

www.voprospolitolog.ru

E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Мнение авторов может
не совпадать с мнением редакции.

При перепечатке ссылка
на журнал обязательна.

Научные статьи, публикуемые
в журнале подлежат обязательному
рецензированию.

Ответственный редактор
Шкурин С.С.

Перевод

Чернышова Е.В.

Компьютерная верстка
Анциферова А.С.

Подписано в печать 27.09.2021

Формат 60×84/8. Объем 24,3.

Печать офсетная.

Тираж – 1000 экз.

(1-й завод – 500 экз.)

Заказ № 000.

Отпечатано в типографии

ООО «Белый ветер»

115054, г. Москва, ул. Шипок, 28

Тел.: (495) 651-84-56

Председатель Редакционного Совета – ПЛАТОНОВ В.М.,
к.ю.н., заведующий кафедрой политического анализа и управления РУДН,
Председатель Московской городской Думы (1994–2014 гг.)

Редакционный Совет

АВАЗОВ Камиль Халиевич	д.ф. (PhD) по полит. наукам, Региональный центр переподготовки и повышения квалификации работников народного образования Сурхандарьинской области (Узбекистан, г. Ташкент)
АСТВАЦАТУРОВА Майя Арташесовна	д.п.н., профессор, Пятигорский государственный университет (Россия, г. Пятигорск)
БЛОХИН Владимир Владимирович	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
БОЖАНОВ Владимир Александрович	д.и.н., профессор, Белорусский Национальный технический университет (Белоруссия, г. Минск)
ВЕДРИН Оливье	профессор, ректор «Континентального университета в Киве» (Франция, г. Париж)
ВЕЛИКАЯ Наталья Михайловна	д.п.н., профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН, РГТУ (Россия, г. Москва)
ГОНЧАРОВ Пётр Константинович	д.с.н., профессор, Российский университет транспорта (МИИТ) (Россия, г. Москва)
ГРАЧЁВ Михаил Николаевич	д.п.н., профессор, РГТУ (Россия, г. Москва)
ДЭМБЭРЭЛ К.	доктор (PhD), Институт международных отношений АН Монголии (Монголия, г. Улан-Батор)
ДОНАЙ Лукаш	д.п.н., профессор, Университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша, г. Познань)
ЖИЛЬЦОВ Сергей Сергеевич	д.п.н., профессор, Дипломатическая академия МИД РФ (Россия, г. Москва)
ИРХИН Юрий Иванович	д.ф.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
КАРАДЖЕ Татьяна Васильевна	д.ф.н., профессор, МПГУ (Россия, г. Москва)
КАССАЕ НЫГУСИЕ В. МИКАЭЛЬ	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
КОВАЛЕНКО Валерий Иванович	д.ф.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)
КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна	д.с.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
КРИВОКАПИЧ Борис	д.ю.н., Унион–Никола Тесла университет (Сербия, г. Белград)
МЕДВЕДЕВ Николай Павлович	д.п.н., профессор, главный редактор журнала (Россия, г. Москва)
МИХАЙЛОВ Вячеслав Александрович	д.и.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
НАЗАРОВА Елена Александровна	д.с.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия, г. Москва)
НАЗАРОВ Александр Данилович	д.и.н., профессор, МАИ (Россия, г. Москва)
НАСИМОВА Гульнара Орленбаевна	д.п.н., профессор, Казахский Национальный университет им. Аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы)
НИСНЕВИЧ Олий Анатольевич	д.п.н., профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)
ОРИОВ Игорь Борисович	д.и.н., профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)
ПАХРУТДИНОВ Шукрутдин Ильясович	д.п.н., профессор, Институт переподготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов системы народного образования имени А. Авлони (Узбекистан, г. Ташкент)
ПЛЯЙС Яков Андреевич	д.и.н., д.п.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ (Россия, г. Москва)
ПРЯХИН Владимир Федорович	д.п.н., профессор, РГТУ (Россия, г. Москва)
ПУСЬКО Виталий Станиславович	д.ф.н., профессор, ВА РВСН им. Петра Великого (Россия, г. Москва)
СЛИЗОВСКИЙ Дмитрий Егорович	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
СЫЗДЫКОВА Жибек Сапарбековна	д.и.н., профессор, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)
ХОПЕРСКАЯ Лариса Львовна	д.п.н., профессор, Киргизско-Российский славянский университет (Киргизия, г. Бишкек)
ШАРКОВ Феликс Изосимович	д.с.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
ЯН ФУЛИНЬ	проректор Хэйлунцзянского института иностранных языков (КНР, г. Харбин)

Редакционная коллегия

Главный редактор – МЕДВЕДЕВ Н.П., д.п.н., профессор

Абрамова О.Д. (д.п.н.)

Насимова Г.О. (д.п.н.)

Кетция Г.В. (к.п.н. – зам. гл. редактора)

Шкурин С.С. (к.п.н. – ответ. редактор)

ISSN 2225-8922 (print)

12 выпусков в год и

4 выпуска в год переводной (англ.) версии

Языки: русский, английский

<http://voprosplitolog>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Включен в каталог периодических изданий Ульрих

(Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>)

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ

Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 70035

Цели и тематика

Журнал ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ – периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционного совета и редколлегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 2011 года в издательстве «Наука сегодня». С 2016 года издается переводная (англ.) версия журнала. С момента своего создания, журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих политологических журналов России.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «История и философия политики», «Политические институты, процессы и технологии», «Политическая регионалистика и этнополитика», «Политическая культура и идеологии», «Политические проблемы международных отношений и глобализации».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные рецензии, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политики и политологии.

В своей деятельности редакционный совет и редколлегия журнала руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки качества научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и магистры, обучающиеся по направлениям политология, государственное и муниципальное управление и международные отношения.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования о подготовке и публикации статей, архив (выпуски с 2011 года) и дополнительная информация размещена на сайте: <http://voprosplitolog.ru>

Электронный адрес: voprosplitolog@yandex.ru

ISSN 2225-8922 (print)

12 issues a year plus

4 issues a year of the translated (eng.) version

Languages: Russian and English

<http://voprosplitolog>

Included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

Included in the Ulrich's Periodicals Directory

Materials of the journal are placed on the RSCI platform of the Russian scientific electronic library – Electronic Journals Library Cyberleninka

Subscription index of the journal in the Rospechat Agency catalogue is: 70035

Objectives and themes

Academic journal “Political Science Issues” is an international peer-reviewed scientific periodical in the field of political studies. The journal has an international character because of the composition of its Editorial Board, its editors, its contributing authors and topics of its publications.

The scientific journal is published since 2011 at the “Publishing House “Science Today”. Translated (eng.) version of the journal is published since 2016. Since its inception, the journal was guided by high scientific and ethical standards and today it is one of the leading political science journals in Russia.

The purpose of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign political scientists.

The journal is intended for the publication of the results of fundamental and applied scientific research. Thematic focus of the journal is reflected in the following permanent headings: “History and philosophy of politics,” “Political institutions, processes and technologies,” “Political regionalism and ethno-politics,” “Political culture and ideologies,” “Political problems of international relations and globalization.”

Format of publications: scientific articles, reviews, scientific materials, materials of round tables, scientific reviews, scientific reports devoted to research problems in the field of politics and political science.

The Editorial Board and the editors of the journal in their activities are guided by the principles defined by VAK of Russia for scientific journals, including: presence of the institute of peer review for the expert quality assessment of scientific articles; information openness of the publications; availability and compliance with the rules and ethical standards for the submission of manuscripts by the authors.

The target audience of the journal is Russian and foreign specialists-political scientists, as well as graduate students and masters in the fields of political science, state and municipal management and international relations.

The journal strictly adheres to the international publishing standards and publication ethics identified in the COPE (Committee on Publication Ethics) document. <http://publicationethics.org>.

Full details of the journal and its editorial policy, requirements to the preparation and publication of articles, archive (issues since 2011) and additional information are available on the website: <http://voprosplitolog.ru>

E-mail address: voprosplitolog@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

Дубровина О.В., Дубровина О.Ю., Плотников В.С.

Глокализация современных международных отношений:

характеристика и особенности 2444

Белов С.И. Методика изучения видеоигр

как инструмента символической политики 2457

ИСТОРИЯ РОССИИ

Чемшиш А.А., Стаценко О.С., Чемшиш Д.А. «Брежневский застой»

как предпосылка кризиса советской государственности 2465

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А. Большие выборы – 2021

как контекст упрочения гражданского единства и этнокультурного

разнообразия российского общества 2474

Конько С.Г., Славин Б.С. Особенности российской модели

представительства групповых интересов 2489

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Цветкова О.В. Эволюция субнациональных

политических институтов России 2498

Осипов А.В. Проблема модернизации

и развития кластера элиты в целях обеспечения

консолидированной политики современной России 2508

Суслонов П.Е., Третьяков А.В. Методология и практика

формирования региональной социокультурной среды,

препятствующей распространению идеологии терроризма

(на примере Свердловской области) 2518

Павишукова А.Ю. Отмывание преступных доходов

и финансирование терроризма: основные направления

деятельности преступных организаций 2529

Шевелёва Ю.Р. Коммуникационный режим

как фактор воспроизводства политической власти 2535

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПОЛИТИКИ

Маматкобилов Т., Нормуратова М.К. Стратегическое

значение социальной политики государства 2552

Эгембердиев А.К. Государственная информационная

политика в сфере миграции как часть процесса

управления общественным развитием 2557

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Михайленко А.Н., Ровчак П.Ю. Отношения России со странами африканского континента	2563
Залысин И.Ю. Трансформация антитеррористических органов ООН в 2000-е гг.	2576
Тушков А.А., Алехина А.П. Конфуцианский образ нравственного идеала в современном Китае	2584
Мехмет Эмин Икбаль Дюрре. Экономическая политика Иракского Курдистана до и после референдума 2017 г.	2591
Амиантова И.С., Бакарюхина А.В. Соотношение региональной и национальной идентичностей в Германии	2605
Кудашев Р.Ш. Европейский Союз: наднациональное или межправительственное интеграционное сообщество?	2616
Меркулов А.Л. Внешняя политика ФРГ на современном этапе	2622
Макаров А.В. Геополитическая модель образовательного пространства национального государства	2627
Шэнь Шань. Инструмент мягкой силы Россотрудничества в Украине	2636
Нарышкин А.А. Основные подходы к задачам экономической дипломатии в отечественной научной литературе	2647

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА

Го Сюнхао. Краудфандинговые технологии в устойчивом региональном развитии Китая	2654
---	------

РЕЦЕНЗИИ

Слизовский Д.Е. Перестройка в СССР в историографии: актуальные предпочтения	2658
---	------

НАШИ АВТОРЫ	2669
-------------------	------

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ	2676
---	------

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ИРАКСКОГО КУРДИСТАНА ДО И ПОСЛЕ РЕФЕРЕНДУМА 2017 ГОДА

Как и ожидалось, референдум на севере Ирака 25 сентября 2017 года подтвердил, что подавляющее большинство жителей Иракского Курдистана и прилегающих к нему территорий (свыше 90% принявших участие в референдуме при довольно высокой явке избирателей) выступают за независимость курдского региона. Причем голосовали не только курды, но и представители других этнических групп из числа местного населения (арабы, туркоманы, армяне, ассирийцы и др.). Референдум привел к углублению экономического кризиса в автономии: вслед за полным прекращением выплат зарплаты служащим региона Багдад, проведя военную операцию, лишил Эрбиль нефтяных месторождений в провинции Kirkuk, приносивших ему половину доходов от всего экспорта «черного золота». Проблем курдским властям добавили и свыше сотни тысяч беженцев, покинувших свои дома, расположенные на спорных территориях, после прихода туда иракских военных и шиитских ополченцев из аль-Хашд аш-Шааби. Несмотря на все это, есть и немалые перспективы экономического возрождения региона, который, разумеется, займет немало времени и будет зависеть от позиции властей и представителей всех народов его населяющих.

Ключевые слова: Иракский Курдистан, Kirkuk, референдум, конституция, партии, экономика, бюджет, потенциал, нефть, газ.

С 1991 года три провинции Ирака находятся под управление курдских политических сил – Демократической партии Курдистана (ДПК) и Патриотического Союза Курдистана (ПСК). Безусловно, территория Иракского Курдистана в этот период то расширялась, то сокращалась – особенно после появления и стремительной экспансии «Исламского государства» (организация в России запрещена) в 2013-2014 гг. Поэтому развитие экономики на этом политическом ландшафте было подвержено различным внешним шокам. Тем не менее, с 2008-2009 гг. руководство Иракского Курдистана предприня-

ло ряд шагов, связанных с выстраиванием экономической автономии в рамках системы иракского народного хозяйства, что позволяет провести оценку успехов и неудач курдского автономного региона за 2008-2020 гг.

Необходимо напомнить, согласно действующей Конституции Ирака, регион Курдистан не только признается федеральной властью в качестве самостоятельного политико-правового субъекта (статья 117), но и обладает законодательной, исполнительной и судебной властью (статья 121). К предметам совместного ведения регионов и федеральной власти в Ираке относятся вопросы таможи, энергетики, формирование политики развития и политики в области распределения водных ресурсов (статья 114) [11]. Такие широкие рамки позволяют Иракскому Курдистану иметь собственный бюджет, осуществлять добычу и частичную переработку природных ресурсов, развивать транспортную и иную инфраструктуру.

Ключевым элементом в выстраивании автономной экономики Иракского Курдистана было освоение нефтяных месторождений и реализация нефтепродуктов на внешних рынках. Еще в 1972 году Мустафа Барзани утверждал, что «если я буду обладать нефтяными полями, я буду поставлять нефть в Америку». В 2007 году в региональный парламент был внесен законопроект о нефти, который был окончательно утвержден только в 2009 году. С этого времени, руководство Иракского Курдистана перестало опираться в управлении нефтяной отраслью на иракские нормативно-правовые акты: основной практикой привлечения зарубежных партнеров стало создание совместных предприятий в форме соглашений о разделе продукции (СРП). Хотя иракские политические силы справедливо отмечают, что такие соглашения по сути являются наследием колониального прошлого, автономии удалось привлечь ряд крупных корпораций к добыче нефти в Курдистане. В 2011 году было подписано соглашение между региональным правительством и корпорацией Exxon Mobile, крупнейшим игроком на глобальном рынке нефти. Согласно этому соглашению, раздел продукции касался в том числе двух месторождений, находившихся в провинции Киркук, юрисдикция над которой оспаривается властями в Багдаде и Эрбиле. В ответ на этой федеральное правительство Ирака прервало финансовые перечисления из общегосударственного бюджета в бюджет курдской автономии (возобновлено в 2013 году), что позволило Иракскому Курдистану обосновать необходимость следующего шага – перехода к полному контролю над добычей и транспортировкой нефти в ведение автономии. Так возник «курдский унилатерализм» в энергетической сфере, который заложил фундамент более активной внешнеторговой деятельности региона [29].

В рамках данной линии на привлечение инвесторов в форме СРП региональным правительством Иракского Курдистана были подписаны соответствующие документы с американской корпорацией Chevron и французским монополистом Total (2012 г.), а затем и с «Роснефтью» (2017 г.).

Уже на раннем этапе к нефтяным корпорациям добавились газовые – например, крупный трейдер Pearl Petroleum (2007 г., 2018 г.). Данная компания за 10 лет (2007-2017) инвестировала 1,26 млрд. долл. в развитие газоносных полей Хор Мор и Чемчемаль, что позволило довести добычу газа до уровня 3 млн. кубометров в год [12]. Аналогично, привлечение инвесторов сказалось и на уровне добычи нефти в Иракском Курдистане: если в 2009 году речь шла о 15 млн. баррелей в год, то в 2013 году объем добычи вырос до 78 млн. баррелей, а в 2015 году – до 210 млн. баррелей в год (рост более чем в 10 раз за 2009-2015 гг.) [27]. Всего, до 2014 года 47 зарубежных компаний из 17 государств подписали подобные соглашения с региональным правительством Курдистан, причем, согласно этим документам, они обязались инвестировать в добывающую инфраструктуру региона до 10 млрд. долларов [9]. Таким образом, за десятилетие до референдума 2017 года курдской автономии в Ираке фактически удалось создать полноценную нефтегазодобывающую отрасль со значительными объемами добычи, которая давала 60-80% ВВП региона.

Оборотной стороной развития одной отрасли стала определенная деформация экономики региона. По данным на 2015-2016 гг. в Иракском Курдистане сформировался значительный государственный сектор экономики, в котором занято до 70% экономически активного населения. С учетом безработицы на уровне 20-25%, региональные власти оказались основным работодателем для жителей автономии. Подобная ситуация характерна и для остальной части Ирака, где до 40% экономически активного населения работает в государственном секторе экономики, но ситуация в Курдистане из-за наличия нефтегазовых доходов оказалась намного более опасной с учетом внешних факторов, влияющих на развитие и функционирование региона. Более того, подобная пропорция занятых в госсекторе не характерна для региона в целом: в Иране в госсекторе занято 17% экономически активного населения, в Турции – 12%, в Иордании – 31%. Такое положение дел поставило социально-экономическое развитие Иракского Курдистана в прямую зависимость от меняющейся конъюнктуры на мировых энергетических рынках и колебаний в цене на нефть и газ [21].

Из-за столь обширного государственного сектора экономики Иракскому Курдистану не удавалось направить значительные средства на создание необходимой инфраструктуры и реализацию программ долгосрочного развития: по данным Всемирного банка, бюджет автономии на 85% пополнялся из нефтяных доходов, а свыше 50% расходов бюджета – составляли зарплаты служащих и социальные выплаты [25]. Проще говоря, нефтяные доходы Иракского Курдистана на 60-70% «проедались», направлялись на текущее потребление населения.

Дополнительным фактором, осложнившим экономическое положение курдской автономии в Ираке, стала экспансия «Исламского государства»

в 2013-2017 гг. Переход значительной части нефтеносных полей под контроль исламских фундаменталистов обусловил прекращение с 2014 года перечислений из федерального бюджета в бюджет региона. Помимо этого, собственные ресурсы Курдистана пошли на создание боеспособных подразделений для борьбы с ИГ и на прием беженцев из других частей Ирака и даже Сирии. Поэтому в 2015 году региональное правительство было вынуждено сократить зарплаты в подведомственных организациях на 70%, провести сокращения служащих и общий секвестр регионального бюджета. На этом фоне значительно выросла роль неформального сектора экономики – прежде всего, нелегальных форм нефтедобычи и первичной нефтепереработки, а также коррупции в органах управления. Например, по самым приблизительным оценкам порядка 33 тысяч «мертвых душ» принято на работу на различные должности в Курдистане – с вероятным распределением зарплат между чиновниками [5].

В 2015-2016 гг. на фоне острого противостояния с «Исламским государством» региональное правительство курдской автономии пошло на увеличение добычи нефти и предпродажу еще не добытых объемов полезных ископаемых с существенной скидкой. Активная работа Министерства природных ресурсов Иракского Курдистана, включая займы под гарантии будущих объемов добычи, позволила привлечь свыше 3 млрд. долл. на покрытие дефицита бюджета автономии. Помимо этого, власти в Эрбиле смогли удержать инфляцию на уровне 3-4% за счет контроля над обменом валют и фиксации цен на некоторые группы товаров и услуг (за исключением цен на электричество), что обеспечило социальную стабильность в условиях роста безработицы и бедности (1).

Внешние заимствования в совокупности с сокращением бюджетных затрат позволили Иракскому Курдистану сохранить устойчивость экономики и повысить степень ее автономности в условиях продолжающегося противостояния с Багдадом. В то же время, социальные последствия затяжного кризиса еще только предстоит оценить. По оценкам Всемирного Банка, только в 2015 году подушевое потребление в регионе упало на 14%, что намного выше, чем в иных регионах Ирака. По официальной статистике, доля лиц, находящихся за чертой бедности, выросла в 2015 году в 4 раза, а в районах, пострадавших от «Исламского государства» – еще больше (1).

В то же время, с точки зрения долгосрочного развития макроэкономическая ситуация в Иракском Курдистане оставалась достаточно сложной, поскольку активные заимствования на внешних рынках привели к значительному росту внешнего долга – до 75% ВВП автономии к 2015 году (17 млрд. долл.). Из-за сложных отношений с федеральным центром и политико-правового спора относительно нефтегазовых доходов, автономия не смогла выпустить международно-признанные облигации, что ограничило доступ Эрбиля к финансовым ресурсам. В подобных условиях не совсем ясны пер-

спективы расчетов Иракского Курдистана с кредиторами, поскольку оснований для резкого увеличения доходов региона пока нет (1).

Несмотря на значительные экономические сложности и дисбалансы, курдская автономия в Ираке сумела сохранить макроэкономическую стабильность и контроль над социально-экономическими процессами. Более того, Иракский Курдистан в условиях противостояния с «Исламским государством» оказался едва ли не единственным надежным «поставщиком безопасности», сумев не только подготовить вооруженные отряды для борьбы с фундаменталистами, но и использовать их для стабилизации социально-экономической и политической обстановки в соседних регионах Ирака. В 2014-2017 гг. под контроль регионального правительства в Эрбиле попала значительная часть провинций Киркук, Дахук и Ниневия, включая Мосульскую долину и город Синджар (Шингал). Эти территории считаются спорными, поскольку на них расположены анклавы курдского населения, в том числе, курдов-езидов, согласно Конституции Ирака (статья 140) до 2007 года должны были пройти процедуры, которые бы определили дальнейший статус этих спорных земель, чего, однако, не произошло. С учетом обстановки и неспособности федерального центра обеспечить защиту этим территориям, президент автономии Масуд Барзани в июне 2014 года высказал в интервью мнение, что соответствующие положения Конституции Ирака «имплементированы и исполнены» [22]. Переход этих территорий под контроль курдской автономии позволил существенно нарастить объем добычи и экспорта нефти в обход портов южного Ирака – в 2017 году это показатель превысил 300 млн. баррелей в год [13].

Именно в таких условиях было принято решение о проведении референдума о независимости Иракского Курдистана. Необходимо отметить, что в январе 2005 года региональное правительство Курдистана уже проводило подобный референдум, на котором 99% проголосовавших высказались за независимость. Этот референдум не имел официального статуса, а результаты были затем использованы властями Курдистана для закрепления ряда норм в новой Конституции Ирака, принятой в октябре 2005 года. Иными словами, процедура референдума имела не только символическое значение (публичная фиксация многолетнего стремления курдов к созданию собственного государства), но и политическое и политико-правовое [26]. Решение о референдуме в сентябре 2017 года было принято на фоне роста политических амбиций Эрбиля после серьезных поражений «Исламского государства» от курдского вооруженные подразделения (пешмерге). Помимо этого, правящая Демократическая партия Курдистана столкнулась с кризисом легитимности: поскольку срок пребывания на должности президента автономии Масуда Барзани закончился еще в 2013 года, но новые выборы руководителя региона не проводились. Это дало толчок к росту протестных настроений: в мае 2016 года две крупные оппозиционные партии

«Патриотический Союз Курдистана» и «Горран» заключили соглашение о партнерстве и стали координировать деятельность своих фракций в региональном парламенте (42 депутата из 111). Поскольку у правящей ДПК было всего 38 депутатских мест, под угрозой оказалась вся конструкция власти в автономии – от команды Масуда Барзани требовался неожиданный и смелый ход, который смешал бы карты оппонентам. Именно таким политическим ходом стало объявление о проведении референдума о независимости в Иракском Курдистане [18].

Были ли экономические причины проведения этого референдума? Исследователи Ф. Шумер и Дж. Джозеф высказали точку зрения, что таких причин не было и референдум был проведен исключительно по политическим соображениям. По их мнению, в составе Ирака Курдистану были гарантированы преимущества, связанные с мирным развитием. Действительно, в 2013 году курдские провинции Эрбиль, Дохук и Сулеймания демонстрировали лучшие показатели по экономическому росту и показателям ВВП на душу населения среди других административных единиц Ирака. Более того, внешнеторговая деятельность Иракского Курдистана во многом достигла такого высокого уровня из-за заинтересованности региональных игроков в том, чтобы автономия оставалась в составе Ирака. Действительно, восстановление в 2013 году трубопровода Киркук-Джейхан не могло бы состояться, если бы турецкие власти не видели бы в этом инструмент давления на Эрбиль и механизм сдерживания амбиций курдов. В итоге, Ф. Шумер и Дж. Джозеф уверены: поскольку регион импортировал 80-90% товаров повседневного потребления, а его крупнейшими торговыми партнерами были Турция и Иран – экономические интересы Курдистана заключались в том, чтобы не обострять политические противоречия с соседями и извлекать выгоду из текущего положения, а не менять статус-кво [24].

Представляется, что ситуация была не столь однозначной. Во-первых, зависимость экономики Курдистана от иракских властей сильнее всего сказалась в тех отраслях, где власти автономии не имели полномочий, – в сфере монетарной и кредитной политики. Курдская автономия для борьбы с экономическими последствиями экспансии «Исламского государства» не могла прибегнуть к фискальным методам пополнения бюджета (из-за исходной низкой налоговой базы). В таких условиях, уход инвесторов или даже временная заморозка инвестиционных проектов обозначили перед властями автономии и невозможность полноценного использования кредитных инструментов международных организаций (таких как МВФ). Кроме того, из-за нахождения эмиссионных центров иракского динара вне сферы ведения Иракского Курдистана власти автономии не могли повлиять на экономическую ситуацию с помощью инструментов монетарной политики. Таким образом, при получении независимости Курдистан смог бы использовать сразу несколько финансовых инструментов для борьбы с экономическими кризисом (а не только секвестр бюджета).

Во-вторых, в регионе сформировалась моноориентированная и сравнительно автономная экономическая система. Проще говоря, в Иракском Курдистане отмечается классическая «голландская болезнь», при которой развитие нефтедобывающего сектора экономики в обязательном порядке влияет и на развитие политической сферы жизни. В современной политической науке считается доказанным, что наличие «голландской болезни» ведет, как минимум, к двум последствиям. Во-первых, тот политический режим, который контролирует добычу и экспорт нефти, становится более стабильным, а, значит, получает возможность вести более настойчивую политику – как внешнюю, так и внутреннюю. Во-вторых, неравномерность распределения нефтяной ренты ведет к росту конфликтности не только в рамках одного государства со сравнительно бедным населением, но и в соседнем с ним географическом ареале [23].

В случае Иракского Курдистана, второй фактор – рост конфликтности в условиях неравномерного распределения нефтяной ренты – несомненно, сыграл роль в решении властей автономии пойти на обострение противостояния с Багдадом. Именно этим объясняется жесткая риторика Масуда Барзани накануне референдума в отношении Ирака: «Это теократическое, сектантское государство. У нас своя география, земля и культура. У нас свой язык. Мы отказываемся подчиняться. [...] Парламент в Багдаде – не федеративный парламент. Это шовинистский, сектантский парламент. Доверие к Багдаду – ниже нуля» [7]. Что касается первого фактора – роста уверенности режима в Эрбиле в условиях стабилизации нефтяных доходов – тут взаимосвязь с референдумом не настолько прямолинейная, поскольку доходы автономии упали в 2014-2017 гг. из-за экономических последствий экспансии «Исламского государства» и противоречий с Багдадом относительно Киркука и нефтяных доходов.

В итоге, референдум о независимости Иракского Курдистана прошел в сентябре 2017 года без особенных происшествий: 92,7% проголосовавших высказались в поддержку независимости автономного региона. Это событие вызвало практически единодушное осуждение со стороны региональных (Сирия, Турция, Иран) и глобальных игроков (США, ЕС, Китай) – только Израиль и Россия высказались достаточно осторожно, сохраняя для себя возможности для дипломатического маневра. Даже Совет Безопасности ООН принял жесткое заявление о том, что последствия референдума будут «разрушительными» [8]. Не менее жесткой была реакция официального Багдада: губернатор Киркука был уволен, при негласной поддержке правительства нефтяные поля были заняты проиранской группировкой «Хашт-аш-Шаби» – это привело к приостановке транспортировки нефти из Киркука на север. Помимо этого, иракские власти утвердили пошлины для всех товаров, сделанных в Курдистане или ввозимых через Курдистан из Турции – на границе с автономией были устроены таможенные посты.

Из-за ощутимого давления внешних игроков и Багдада Эрбиль не пошел на провозглашение независимости по результатам референдума, что обусловило необходимость постепенной деэскалации напряженности с Багдадом и восстановления экономических связи внутри Ирака и с внешними партнерами курдской автономии.

Перезагрузка отношения Эрбиля и Багдада растянулась более чем на год. Только после смены руководства в Иракском Курдистане и провала на выборах в октябре 2018 года проамериканского премьер-министра Хайдера Аль-Абади возникли условия для переговоров федеральных властей и курдской автономии. В этих условиях внешним игрокам вновь понадобилась поддержка курдских политических сил для сдерживания политических противоречий в самом Ираке. В таких условиях курдские партии пошли на временный союз с проиранским блоком «Аль Фатх» и им удалось поспособствовать формированию правительства Адила Абдул-Махди, куда вошли умеренные иракские политики, которые, в основном, не настаивали на жесткой линии в отношении Иракского Курдистана. Интересно, что посредниками в переговорах между курдскими партиями и иракскими блоками «Аль Фатх» и «Ас-Сайирун», по всей видимости, были высокопоставленные иранские военные [1].

Активное участие ДПК и ПСК в иракских политических интригах привело к тому, что правительство Ирака стало постепенно снимать экономические ограничения для курдской автономии. В бюджете на 2019 год (принят в январе того же года) было закреплено, что федеральное правительство берет на себя содержание отрядов пешмерге и выплату зарплат служащим органов власти региона. Договоренность об этом между Эрбилем и Багдадом была достигнута еще в 2016 году, однако, объявление о проведении референдума фактически заморозило реализацию этой необходимой для курдской автономии меры. Помимо этого, ситуативная коалиция с проиранскими силами обеспечила Иракскому Курдистану дополнительные преференции: проиранская группировка «Хашт-аш-Шаби» отошла из западной части провинции Ниневия и части провинции Дияла, разблокировала добычу нефти в Киркуке и ее экспорт. Более того, достаточно комфортным для Эрбиля оказался компромисс по продаже нефти: автономия и взяла на себя обязательство передавать свыше 91 млн. баррелей в год в порту Джейхан в распоряжение государственной иракской компании SOMO (State Organization for Marketing of Oil). Но, при этом, невыполнение этого обязательства не накладывало никаких санкций на регион и давало федеральному правительству права прерывать финансирование отрядов пешмерге и зарплатного фонда служащих органов власти автономии [4]. Еще одной немаловажной уступкой Багдада стало снятие таможенных барьеров на границе с Иракским Курдистаном (за исключением границы провинций Дохук и Ниневия) и попытка унифицировать таможенные тарифы на основе сетки тарифов, установленных в автономии [6].

Передача нефти Багдаду в объеме 91 млн. баррелей нефти в год (250 тысяч баррелей в сутки) является вполне подъемной для Иракского Курдистана. Только добыча в провинции Киркук давала в 2017 году около 300 тысяч баррелей в день, а после возобновления добычи в конце 2018 года на уровне 50-60 тысяч баррелей в сутки, оставшийся дефицит вполне покрывался нефтью из других месторождений в курдской автономии [14]. По данным за 2017 год, Иракский Курдистан направлял в трубопровод Киркук-Джейхан в среднем около 400 тысяч баррелей в сутки, а в пиковые дни – до 700 тысяч баррелей [15]. Поскольку в 2019 году уровень добычи нефти в Иракском Курдистане вышел на уровень 400-500 тысяч баррелей в сутки, даже при полном выполнении обязательств перед Багдадом у Эрбиля оставалось в распоряжении порядка 150-200 тысяч баррелей в сутки [19].

В 2019 году начала возвращаться уверенность в экономическом будущем Курдистана. Строительные проекты, замороженные с 2014 года и в которые вложены миллиардные инвестиции, начали возобновляться. Добыча нефти достигла 450 000 баррелей в сутки. Объем торговли в регионе приближался к показателю в 19 млрд. долларов, что даже больше, чем в благополучные 2012 и 2013 годов. Затем последовала вспышка COVID-19, разрушившая эти надежды и опустошившая мировую экономику. Сейчас здоровье экономики Курдистана находится под угрозой удушья, и нет никакой гарантии, что она будет достаточно сильна, чтобы пережить многочисленные продолжающиеся глобальные кризисы, если правительство не проведет глубокие и радикальные экономические реформы, причем быстро. Курдистан, как и большинство нефтедобывающих регионов, в значительной степени зависит от доходов от продаж нефти. Сейчас 85% государственного бюджета Курдистана зависит от них, поэтому его восприимчивость к колебаниям нефтяных цен является фундаментальной экономической слабостью. Если цена на нефть останется ниже 50 долларов за баррель, то резко сократится не только основной доходный источник региона, но и его доля в федеральном бюджете [3].

В феврале 2020 года федеральные власти Ирака и Иракский Курдистан пришли к согласию по поводу федерального бюджета на 2020 год. В нем сохранились такие важные параметры как выплаты из иракского бюджета курдским ополченцам и региональным служащим, а также фиксированный объем нефти, передаваемый автономией, в общегосударственный фонд нефти. Однако, на фоне политического кризиса в Ираке, Эрбилю пришлось подтвердить договоренность по передаче части нефти компании SOMO. То есть, сформировался важный экономический принцип: не только Курдистан зарезервировал себе долю в доходах Ирака, но и Ирак зарезервировал себе долю в нефтяных доходах региона. В то же время, Эрбиль отложил исполнение обязательств по отношению к SOMO до конца затяжного правительственного кризиса в Ираке, то есть выгадал 2-3 месяца в 2020 году (порядка 40 млн. долларов) [16].

В марте 2021 года Иракский парламент 215 голосами из 329, что свидетельствует почти о полном консенсусе по данному вопросу, принял статью 11 законопроекта о федеральном бюджете, которая касается доли региона Курдистан, сообщают государственные СМИ. «Статья, которая была принята, была измененной версией [...], в которой Региональное правительство Курдистана передаст Багдаду доход в размере не менее 250 000 баррелей по цене SOMO» – сказал депутат коалиции «Надежда» Ахмад Хаджи Рашид. «Я поздравляю всех жителей Курдистана», – заявил журналистам вице-спикер иракского парламента Башир Хаддад. «Доля Курдистана составляет 12,67% бюджета», – отметил он. В сухих цифрах это составляет 11 триллионов 482 миллиарда иракских динар (или 7 миллиардов 745 миллионов долларов). Эрбиль сильно полагается на Багдад в своих средствах, но вопрос о нефти в обмен на бюджет был острым вопросом между обеими сторонами. Делегация КРП во главе с заместителем премьер-министра Курбадом Талабани несколько раз посещала Багдад, чтобы попытаться решить этот вопрос [2; 20; 17].

Компромисс между Багдадом и Эрбилем привел к оживлению экономики региона. По данным на 2019 год, было возобновлено порядка 60% «довоенных» инвестиционных проектов в сфере образования, здравоохранения, транспорта и совершенствования работы органов власти. Поступления из федерального бюджета позволили властям автономии начать выплату долгов перед подрядчиками – было выплачено порядка 50% от объема задолженности. Более того, в трех провинциях Курдистана были сформированы бюджеты развития и туда было направлено в совокупности свыше 250 млн. долларов в 2019 году [10].

Несмотря на некоторое оживление экономики региона, социально-экономическая ситуация остается достаточно тяжелой. Даже по официальным данным регионального правительства Курдистана, пока не удалось выйти на довоенные показатели по уровню бедности. По утверждениям региональных властей, в 2012 году уровень бедности составлял 3,5%, в 2014 – 12,5%, в 2018 – 5,5% [2]. С учетом неполноты официальной статистики, реальное положение дел, вероятно, ближе к средним показателям по Ираку – порядка 15-20%. В таких условиях сложно ожидать быстрого восстановления потребительского спроса – даже в условиях некоторого роста заработных плат.

В целом, по итогам референдума 2017 года стало ясно, что Иракский Курдистан пока не может сформировать независимую экономическую систему. Во-первых, это оказалось невозможным из-за внешнего давления, к которому Эрбиль чувствителен из-за ориентированности экономики автономии на экспорт нефти. Во-вторых, это оказалось невозможным из-за слабой развитости внутреннего рынка, низкой налоговой базы и невысокого потребительского спроса. Недостаточная «емкость» рынка Иракского Курдистана стала причиной того, что Эрбилю не хватило налогово-бюджетных

инструментов для борьбы с кризисом, а денежно-кредитные инструменты – остались в ведении федерального правительства Ирака. Иными словами, экономика Иракского Курдистана благодаря активной внешнеторговой деятельности к 2017 году стала в значительной степени автономной, но – не независимой. А, значит, не сформировалось достаточных экономических условий для провозглашения независимости региона.

Неполные данные за 2018-2019 год наглядно демонстрируют, что оживление экономики региона после восстановления народнохозяйственных связей с федеральным правительством Ирака и остальными регионами страны пока не носит системного характера – это скорее рост «с низкой базы». С учетом того, что экономика Иракского Курдистана существенным образом зависит от внешней конъюнктуры цен на нефть, это оживление можно считать обратимым. Региону требуются цены на уровне 50-60 долларов за баррель, что в условиях долгосрочной тенденции падения цен на нефть – далеко не гарантировано. Поэтому перед курдской автономией, как никогда, остро стоят вопросы диверсификации своей экономики – в первую очередь, перевода получаемых средств из нефтяной отрасли на развитие сельского хозяйства, городской и транспортной инфраструктуры, а также, возможно, простейшей нефтехимии и нефтепереработки. Помимо этого, перед регионом со всей очевидностью стоит задача развития частной инициативы, сокращения раздутого и малоэффективного государственного сектора экономики, что позволит не только сократить расходы регионального бюджета, но и снизить зависимость от Багдада.

Наконец, необходимо отметить, что проведение референдума о независимости в 2017 году в среднесрочной перспективе поспособствовало более глубокой интеграции Иракского Курдистана и остальной части Ирака, поскольку возникла не только совместная таможенная политика федерального центра и курдской автономии, но и общая внешнеторговая политика, при которой часть нефти Курдистана передается иракской государственной компании SOMO. По сравнению с 2012-2013 гг. уровень автономности экономической системы региона, скорее, уменьшился, на что несомненно повлияли боевые действия с «Исламским государством» и несколько лет, которые регион прожил с дефицитным бюджетом.

ПРИМЕЧАНИЕ:

(1) The Kurdistan region of Iraq.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Выборы после ИГИЛ. Сможет ли Ирак выйти из-под влияния Тегерана // <https://carnegie.ru/commentary/76623>.

2. Парламент Ирака принял статью о доле Курдистана в законопроекте о бюджете. 2021 // <https://riataza.com/2021/03/31/parlament-iraka-prinyal-statuyu-o-dole-kurdistana-v-zakonoproekte-o-byudzhete/>.

3. Экономика Курдистана нуждается в радикальных реформах. 2020 // <https://riataza.com/2020/04/02/ekonomika-kurdistan-gluboko-nuzhdaetsya-v-radikalnyh-reformah/>.

4. After Iraqi Kurdistan's Thwarted Independence Bid. 2019 // <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/iraq/199-after-iraqi-kurdistan-thwarted-independence-bid>.

5. *Anaid A.* The nature of political economy challenges of the Kurdistan region of Iraq // *Iraqi Kurdistan's Statehood Aspirations*. Ed. by A., Anaid A., E.E. Tugdar. Palgrave Macmillan. Cham, 2019.

6. Baghdad officials finalize customs deal with Erbil. 2018 // <https://www.rudaw.net/english/business/19112018>.

7. Barzani on the Kurdish referendum: 'We refuse to be subordinates'. 2017 // <https://www.theguardian.com/world/2017/sep/22/masoud-barzani-on-the-kurdish-referendum-iraq-we-refuse-to-be-subordinates>.

8. *Changfeng Z., Temitayo O.* Iraqi Kurdistan's Referendum for Independence: Causes and Impacts // *Humanities and Social Sciences*. 2018. Vol. 6. № 2.

9. *Fidan C.B.* Turkish business in the Kurdistan region of Iraq. 2016 // <http://academicrepository.khas.edu.tr/xmlui/bitstream/handle/20.500.12469/424/Turkish%20Business%20in%20The%20Kurdistan%20Region%20of%20Iraq.pdf?sequence=1&isAllowed=y>.

10. Indicators signal Kurdistan Region's return to economic boom in 2019. 2019 // <https://www.rudaw.net/english/analysis/14042019>.

11. Iraq's Constitution of 2005 // https://www.constituteproject.org/constitution/Iraq_2005.pdf?lang=en.

12. Iraq's Kurdistan poised for bumper gas growth. 2017 // <https://www.reuters.com/article/us-kurdistan-dana-gas/iraqs-kurdistan-poised-for-bumper-gas-growth-idUSKCN1BF1SL>.

13. Iraq restarts some Kirkuk oil exports after year-long halt. 2018 // <https://www.reuters.com/article/us-iraq-kurdistan-oil/iraq-restarts-some-kirkuk-oil-flows-after-year-long-halt-sources-idUSKCN1NL12A>.

14. Iraq restarts some Kirkuk oil exports after year-long halt. // 2018 // <https://www.reuters.com/article/us-iraq-kurdistan-oil/iraq-restarts-some-kirkuk-oil-flows-after-year-long-halt-sources-idUSKCN1NL12A>.

15. Iraq: Baghdad and Kurds strike deal to resume Kirkuk oil exports. 2018 // <https://www.aljazeera.com/news/2018/11/iraq-baghdad-kurds-strike-deal-resume-kirkuk-oil-exports-181116170010040.html>.

16. Iraqi Kurdistan agrees with Baghdad on 2020 budget share: state media. 2020 // <https://www.reuters.com/article/us-iraq-oil-budget/iraqi-kurdistan-agrees-with-baghdad-on-2020-budget-share-state-media-idUSKBN1ZZ0UG>.

17. Iraqi parliament approves Kurdistan's share of 2021 budget. 2021 // <https://www.kurdistan24.net/en/story/24197-Iraqi-parliament-approves-Kurdistan%E2%80%99s-share-of-2021-budget>.

18. Kaplan M.L. Foreign Support, Miscalculation, and Conflict Escalation: Iraqi Kurdish self-determination in perspective // *Ethnopolitics*. 2018. Vol. 18. № 1.

19. Kurdistan still to iron out new oil deal with Baghdad. 2020 // <https://www.reuters.com/article/us-davos-meeting-kurdistan/kurdistan-still-to-iron-out-new-oil-deal-with-baghdad-idUSKBN1ZM2TO>.

20. Kürdistan Bölgesi'nin Irak bütçesindeki payı belli oldu. 2021 // <https://www.rudaw.net/turkish/business/190420211>.

21. Mohammadali Z.M., Abdulkhaliq S.S. Prospects and Challenges of Entrepreneurship Development in the Kurdistan Region of Iraq: An Overview // *International Journal of Entrepreneurial Knowledge*. 2019. Vol. 7. № 2.

22. Palani K. et al. Strategies to Gain International Recognition: Iraqi Kurdistan's September 2017 Referendum for Independence // *Ethnopolitics*. 2019. Vol. 18. № 1.

23. Ross M.L. The Politics of the Resource Curse // *The Oxford Handbook of the Politics of Development*. Ed. by C. Lancaster, N. van de Walle. Oxford; Oxford University Press, 2018.

24. Sumer F., Joseph J. The paradox of the Iraqi Kurdish referendum on independence: contradictions and hopes for economic prosperity // *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2018. Vol. 45. № 4.

25. The Kurdistan region of Iraq – Reforming the economy for shared prosperity and protecting the vulnerable. Main Report. Washington, D.C.: World Bank. 2016 // <http://documents.worldbank.org/curated/en/672671468196766598/pdf/106132-v2-main-report-P159972-PUBLIC-KRG-Economic-Reform-Roadmap-post-Decision-Review-05-30-16.pdf>.

26. The Kurdish referendum won't deliver independence – here's why it matters anyway. 2017 // <https://www.brookings.edu/blog/markaz/2017/09/19/the-kurdish-referendum-wont-deliver-independence-heres-why-it-matters-anyway/>.

27. Torelli S.M. Kurdisdtan. An Invisible Nation. Edizioni Epoké. 2017.

28. Voller Y. Kurdish oil politics in Iraq: Contested sovereignty and unilateralism // *Middle East Policy*. 2013. Vol. 20. № 1.

MEHMET EMIN İKBAL DURRE

*Associate Professor
in the Department of Regional Science
of Moscow State Linguistic University (MSLU),
Moscow, Russia*

IRAQI KURDISTAN'S ECONOMIC POLICY BEFORE AND AFTER THE 2017 REFERENDUM

As expected, the referendum in northern Iraq on September 25, 2017 confirmed that the vast majority of residents of Iraqi Kurdistan and its surrounding territories (over 90 percent of those who took part in the referendum with

a rather high voter turnout) are in favor of the independence of the Kurdish region. Moreover, not only Kurds voted, but also representatives of other ethnic groups from among the local population (Arabs, Turcomans, Armenians, Assyrians, etc.). The referendum led to a deepening economic crisis in autonomy: after the complete cessation of salary payments to employees of the Baghdad region, having conducted a military operation, Erbil deprived the oil fields in the province of Kirkuk, which brought him half the income from all exports of “black gold”. More than a hundred thousand refugees who fled their homes located in the disputed territories after the arrival of Iraqi military and Shiite militias from al-Hashd al-Shaabi added problems to the Kurdish authorities. Despite all that, there are considerable prospects for the economic revival of the region, which, of course, will take a long time and will depend on the position of the authorities and representatives of all nations of its population.

Key words: *Iraqi Kurdistan, Kirkuk, referendum, constitution, parties, economy, budget, potential, oil, gas.*